

Рецепция латинской юридической терминологии в системах европейского (романо-германского) и российского публичного права

Р. А. Ромашов,¹ З. Ф. Сафин²

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

В статье дается характеристика государственно-правовой системы Древнего Рима с акцентированием внимания на проблемных вопросах соотношения теоретического и прикладного, публичного и частного права, физических и юридических лиц, отношения к собственности и т. д. Обосновывается гипотеза «культурной совместимости» римской цивилизации с «постримскими» государственно-правовыми публичными формированиями (варварскими империями и королевствами), что позволило осуществить рецепцию римского права в формирующееся европейское, а это в свою очередь обеспечило придание латинской юридической терминологии статуса интернационального (мирового) языка публичного и частного права. Проводится сопоставление европейской (романо-германской) и российской правовых систем. Делается вывод об нетождественности европейского и российского публичного права. Последнее, представляя собой самостоятельное цивилизационное образование, не рецепировало, а экстраполировало латинскую юридическую терминологию, наполняя заимствуемые понятийные формы собственным, качественным образом отличающимся от аутентичного, содержанием.

Ключевые слова: государственно-правовая система, правовая семья, римское право, романо-германское право, система публичного права, латинская юридическая терминология, государство-цивилизация, рецепция, экстраполяция.

Для цитирования: Ромашов Р. А., Сафин З. Ф. Рецепция латинской юридической терминологии в системах европейского (романо-германского) и российского публичного права // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 3 (81). – С. 138–155. DOI: 10.35231/18136230_2025_3_138. EDN: SECVYD

The Reception of Latin Legal Terminology in the Systems of European (Romano-German) and Russian Public Law

Roman A. Romashov¹, Zavdat F. Safin²

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russia

² Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

The article characterizes the state-legal system of "ancient" Rome, focusing on problematic issues of the relationship between theoretical and applied, public and private law, individuals and legal entities, attitudes towards property, etc. The hypothesis of the "cultural compatibility" of Roman civilization with "post-Roman" state-legal public formations (barbarian empires and kingdoms) is substantiated, which made it possible to implement the reception of Roman law into the emerging European one, and this, in turn, ensured that Latin legal terminology was given the status of international (world) the language of public and private law. A comparison of the European (Romano-German) and Russian legal systems is carried out. The conclusion is made about the non-identity of European and Russian public law. The latter, representing a self-sufficient civilizational education, did not synthesize, but extrapolated Latin legal terminology, filling the borrowed conceptual forms with its own, qualitatively different from the authentic content.

Key words: state-legal system, legal family, Roman law, Romano-Germanic law, public law system, Latin legal terminology, state-civilization, reception, extrapolation.

For citation: Romashov, R. A., Safin, Z. F. (2025) Retseptsiya latinskoy yuridicheskoy terminologii v sistemakh evropeyskogo (romano-germanskogo) i rossiyskogo publichnogo prava [The Reception of Latin Legal Terminology in the Systems of European (Romano-German) and Russian Public Law]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No. 3 (81). Pp. 138–155. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_3_138. EDN: SECYDI

Введение

Актуальность проблематики предопределившей выбор темы статьи объясняется ее научно-теоретической и практической значимостью. Правовая система, сложившаяся в древнеримском государстве, будучи разрушенной вместе с ним, частично «возродилась» путем рецепции в формирующееся буржуазное право отдельных институтов, принципов, категорий римского права. При этом названные фрагменты не просто «механически» переносились из одной социально-исторической культуры в другую, но адаптировались к ней тем самым приобретая новые существенные свойства (модернизируясь), не утрачивая, однако, своего первоначального значения.

Российская государственно-правовая система имперского типа сформировалась под влиянием европейской культуры. Французский язык выступал в качестве средства речевого общения дворянской элиты. Латынь изучалась в гимназиях и университетах как профессиональный язык юристов и медиков, в то время как древнегреческий язык служил в качестве лингвистической основы русского православия, противопоставляемого языку «католиков – латинян».

Формирование государства «нового исторического типа» – советской социалистической республики (РСФСР/СССР) повлекло за собой качественную переоценку места и роли России в процессе исторического развития человеческой цивилизации. Из «жандарма Европы»¹ и «оплота самодержавия». Советское государство превратилось в «локомотив коммунистического строительства» [2, с. 52–27] ведущего «все прогрессивное человечество» к «коммунистическому раю», который в отличие от «рая божественного» предполагалось создать в реальной «земной» жизни. Естественно, что при такой целевой

---

¹ Диунов М. Задушить революцию: как Россия стала жандармом Европы [Электронный ресурс]. URL: <https://warhead.su/2020/06/06/zadushit-revolyutsiyu-kak-rossiya-stala-zhandarmom-evropy> (дата обращения: 03.05.2025).

установке необходимо было создавать новые, качественно отличные от «буржуазных» европейских аналогов государственно-правовые институты, а это в свою очередь повлекло создание первоначально национальной, а затем и мировой системы социалистического права, просуществовавшей вплоть до распада СССР (1991 г.).

Провозгласив себя «демократическим правовым государством» (ст. 1 Конституции РФ 1993 г.), Российская Федерация на новом этапе исторического развития, первоначально продемонстрировала свое стремление к восприятию и внедрению западных либеральных ценностей. С этим стремлением было связано понимание российской правовой системы в качестве составной части романо-германской правовой семьи и, как следствие, усиление интереса к проблемам рецепции римского права, рассматриваемого в контексте исторической предпосылки формирования вышеназванной системной общности. Однако изменения, связанные с переосмыслением процессов соотношения и взаимодействия России с коллективным Западом, обусловили отказ от идеи всемирной глобализации, основанной на доминировании западного «радикального неолиберализма»¹ путем противопоставления ей концепции национальной идентичности, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях². В современных условиях проблема безусловного отнесения России к романо-германской (западноевропейской) правовой семье приобретает в достаточной степени дискуссионный характер, а это в свою очередь актуализирует проблему целесообразности рецепции латинской юридической термино-

---

¹ Путин раскритиковал «радикальный неолиберализм» Запада [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1563752/2023-08-24/putin-raskritikoval-radikalnyi-neoliberalizm-zapada> (дата обращения: 03.05.2025).

² Путин нашел, что противопоставить ценностям Запада [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/YzrmwGeHKV8BmL7z> (дата обращения: 03.05.2025).

логии в национальную (русскую по своему языковому наполнению) правовую систему.

Теоретическая модель рецепции права

Понимание рецепции права как средства формирования и трансформации национальных правовых систем в отечественной теоретико-правовой науке носит неоднозначный характер. Так, З. М. Черниловский в своих рассуждениях о «миграции правовых норм» предлагает рассматривать рецепцию в качестве этапа «миграционного процесса», происходящего в странах, принадлежащих к одной общественно-экономической формации. По мысли ученого, следует разграничивать рецепцию (заимствование) правовой нормы, института, идеи у «государств – доноров» и их восприятие (иммиграцию) «государствами-реципиентами» [10, с. 139]. По мнению Н. В. Паршковой, в качестве рецепции права следует рассматривать «процесс восприятия в том или ином государстве элементов правовой системы другого государства», что основным вопросом при понимании рецепции является предметная область, определяющая, что подлежит заимствованию: «отдельные правовые институты, элементы юридической техники, практики правоприменительной деятельности и т.п.» [6, с. 47]. Автор полагает, что «В современной российской литературе рецепция рассматривается как безликий правовой инструмент по модернизации права» [6, с. 47]. На наш взгляд, нельзя согласиться ни с тем, что механизм рецепции может быть задействован исключительно в формационном контексте, ни с утверждением о его абстрагированной от национально-культурных особенностей «безличности». Безусловно, эффективность рецепции во многом определяется культурной «совместимостью» правовых систем го-

сударства – «донора» и государства – «реципиента». Однако говорить о том, что такая совместимость возможна исключительно в рамках одной формации, на наш взгляд, нельзя. Свою наибольшую известность в качестве средства национального правообразования рецепция получила применительно к заимствованию норм и принципов римского права, сформировавшегося в условиях рабовладельческой формации, европейскими государствами, относящимися к феодальной и буржуазной формациям, что наглядно свидетельствует о том, что рецепция возможна применительно к различным историческим типам государств. В свою очередь ошибочность утверждения об «обезличенности» рецепции права основывается на исторической школе правопонимания, в рамках которой национальное право представляет собой уникальный в своей содержательной сущности продукт социализации и аккумуляции, в своем возникновении и развитии аналогичный языку, уникальному и неповторимому для каждой национальной общности. Как и язык, национальное право заимствует у иностранных аналогов отдельные нормативные конструкции, принципы правотворческой и правоприменительной деятельности, средства и методы юридической техники и т. п.

Рассмотрение рецепции права в контексте теоретико-исторического моделирования целесообразно осуществлять в рамках системного анализа с выделением в качестве взаимосвязанных элементов: объекта и предмета, субъектного состава, содержательной составляющей [9, с. 5–12].

Объектом рецепции являются иностранные (иновременные) правовые системы с полным, либо частичным копированием которых связываются осуществляемые в рамках рецепционных коммуникаций заимствования.

Предмет рецепции в совокупности образуют фрагментарные проблемные блоки, посредством познания которых осуществляется конкретизированная и углубленная характеристика объекта. И объект, и предмет определяют целеполагания (общие и конкретные) рецепции, определяя тем самым ее направленность.

Субъектный состав общественных отношений в сфере рецепции представлен двумя сторонами – «донором» и «реципиентом». Такой точки зрения, в частности, придерживается Ю. Н. Фольгерова предлагающая рассматривать рецепцию права как «участие, по крайней мере, двух субъектов – правового донора (владельца правового опыта) и реципиента (государства, заимствующего опыт правового регулирования)»¹.

Основной проблемой в данной области является правосубъектность государства – «донора». В связи с этим следует хотя бы в общих чертах коснуться теоретического аспекта государственной правосубъектности. Как известно, правосубъектность включает две качественных составляющих – правоспособность и дееспособность. Считается, что у физических лиц эти качества разделены во времени (правоспособность возникает с рождения, дееспособность – с совершеннолетия, либо с возраста, законодательно установленного в качестве формального требования по той или иной должности). Кроме того, дифференцируется общая и специальная дееспособность. Применительно к государству его правосубъектность детерминирована таким специфическим признаком, как суверенитет [1, с. 39–40]. При этом внутренний суверенитет означает верховенство государственной власти в системе публичного управления, а внешний суверенитет предполагает признание государства на международной арене и его самостоятельность

¹ Фольгерова Ю. Н. Приемственность и рецепция в конкурсном процессе стран Западной Европы и России: историко-сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 10.

в вопросах определения и реализации внешней политики. В современных условиях наряду с государствами, в статусе которых представлены как внутренний, так и внешний суверенитет существуют так называемые «непризнанные» государства (Абхазия, Турецкий Северный Кипр, Палестина и др.), которые вряд ли могут претендовать на роль «доноров». Также возникает вопрос о том, какой из субъектов выступает в качестве инициатора рецепции. Для того чтобы дать ответ, следует воспользоваться гипотезой, в соответствии с которой все государства подразделяются на «сверхдержавы» – государства имперского (цивилизационного) типа и не относящиеся к таковым [9, с. 30–33]. Последние находятся в сфере геополитических интересов «сверхдержав» и добровольно либо вынужденно заимствуют у них нормы и принципы государственного устройства и правопорядка. При этом «переход» из сферы влияния одной «сверхдержавы» к другой, влечет изменение в ценностных приоритетах, целеполаганиях и содержательных особенностях государственно-правовой рецепции.

Говоря о субъектном составе обусловленных рецепцией права общественных отношений, нельзя не остановиться на еще одном немаловажном обстоятельстве. Общеизвестно, что понимание правосубъектности непосредственным образом связано с восприятием субъекта в качестве «живого» (действующего). В свою очередь, представление о праве как о совокупности формальных источников, оказывающих результативное регулятивно-охранительное воздействие на поведение вовлеченных в правоотношения физических и юридических лиц, предполагает рассмотрение в качестве источника «правовой энергии» текстуального акта, наделенного «живущим» в данный исторический период государством действительной юридической силой. Правовые тексты, по тем или иным причинам не обладающие юридической силой,

в качестве юридических форм национального и международного права, по идее рассматриваться не должны. Вместе с тем пример рецепции римского права наглядно свидетельствует о том, что заимствоваться могут не только действующие на момент рецепции государственно-правовые институты, принципы, технологии, но и исторические артефакты, а также теоретические конструкции, которые вплоть до внедрения их в ту или иную нормативную систему, юридической силой не обладали. В качестве примеров последних можно привести конституционные проекты американских «отцов-основателей», при подготовке которых активно задействовались идеи Дж. Локка и Ш. Монтескье. Наибольшую известность приобрела модель разделения властей и основанная на ней система сдержек и противовесов [11, с. 276–299], используемая вплоть до настоящего времени в конституционных конструкциях демократических правовых государств, к числу которых относится и Российская Федерация.

Содержание рецепции права складывается из разнонаправленных интересов, обусловленных статусным положением «донора» и «реципиента». Как ранее отмечалось, процесс рецепции может носить как добровольный, так и принудительный характер и соответственно предполагает возможность инициации каждой из сторон. Добровольная рецепция осуществляется по инициативе «реципиента», рассматривающего правовую культуру «донора» в качестве прогрессивной по отношению к собственной. При этом и «реципиент», и «донор» являются действующими субъектами, сосуществующими в «современном» контексте и совместимыми в социально-культурном и политико-правовом выражениях. В том случае, если предметом рецепции выступают нормы и принципы архаических (не существующих в «настоящее время») государственно-правовых систем,

то в качестве целевой установки, которой в своем стремлении руководствуется «реципиент», декларируется «возврат к корням» и «возрождение традиции», сформированной «героическими предками».

Принудительная рецепция осуществляется «донором», который таким образом пытается осуществить правовую аккультурацию «реципиента» путем фактического «навязывания» ему с последующим принудительным обеспечением воспринимаемых в качестве «единственно верных» базовых принципов и ценностных приоритетов, на которых выстраивается соответствующая государственно-правовая система. При этом рассуждения «донора» относительно целесообразности и эффективности осуществляемой рецепции сводятся к одностороннему волюнтаризму: «Все мнения делятся на два: мое и неправильное».

В своем фундаментальном труде «Основные правовые системы современности» выдающийся французский компаративист Р. Давид обращает внимание на возможность сочетания добровольной и принудительной рецепции. В частности, по его утверждению: «В результате колонизации романо-германская система распространилась на обширные территории, где в настоящее время действуют правовые системы, принадлежащие к этой семье или родственные ей. Вместе с тем происходила и ее добровольная рецепция, в результате которой мы сталкиваемся с романо-германской системой в ряде стран, которые не были под господством европейцев, но куда проникали европейские идеи и где были сильны прозападные тенденции» [3, с. 41].

Исторические этапы рецепции латинской юридической терминологии в процессе генезиса системы европейского (романо-германского) права

Термин «правовая семья» ввел в юридический оборот ранее упомянутый Р. Давид, с «легкой руки» которого данный

фразеологический оборот вошел практически во все юридические словари современного мира. В наиболее общем понимании правовая семья означает совокупность национальных правовых систем, сходных как по формальным, так и по содержательным (традиционным) критериям.

Система европейского (романо-германского) права возникла как следствие стремления европейских стран к возрождению правовой традиции Великого Рима [7, с. 12–16]. Причем тот исторический факт, что римская государственная цивилизация была разрушена «варварскими народами», инициировавшими впоследствии рецепцию римского права, апологетами романо-германской правовой семьи рассматривается не как деструктивный, а как конструктивный фактор, сыгравший роль культурно-правового «катализатора», обусловившего трансформацию «римской государственной цивилизации» в европейскую (романо-германскую).

По мнению Р. Давида, формирование европейской (романо-германской) правовой семьи было связано с появлением и активным «включением» в процессы политико-правового развития «европейских университетов, которые выработали и развили, начиная с XII в. на базе кодификации императора Юстиниана, общую для всех юридическую науку, приспособленную к условиям современного мира» [3, с. 41].

Главенствующим средством, используемым в процессе создания семьи европейского (романо-германского) права, являлась латинская юридическая терминология, выступавшая одновременно и в качестве «строительного материала», и «скрепляющего раствора» во образуемой интернациональной правовой общности. Отдельные латинские термины – *lex* (закон), *ius publicum et privatum* (публичное и частное право), *praecedens iudiciale* (судебный прецедент), *casus delicti* (противоправное деяние),

particeps criminis (соучастник преступления), *poena ultima* (высшая мера), *veto* (персонифицированный запрет, к примеру президентское вето) и др., были задействованы при подготовке и принятии законов, ставших основными юридическими формами европейского права [4, с. 346–350].

В неразрывной связи с латинской терминологией находилась фразеология римского права, ставшая в прямом смысле этого слова неиссякаемым кладезем правовой мудрости для многих поколений юристов: *iustitia fundamentum regnōrum* (юстиция – фундамент государства), *non bis ad eadem rem sit actio* (нельзя дважды наказывать за одно деяние), *sublātā causā tollitur effectus* (с устранением причины устраняется следствие), *consuetūdo est optimum interpres legum* (традиция – лучший толкователь законов), *nemo iudex in propria causa* (никто не судья в собственном деле), *dura lex, sed lex* (закон суров, но это закон). Эти и другие «крылатые» выражения продолжают оставаться актуальными и значимыми и в юридической науке, и в образовании, и в практике правотворческой и правоприменительной деятельности.

Говоря о рецепции латинской терминологии и фразеологии в европейское право как о явлении, развивающемся во времени, пространстве и по кругу лиц, представляется возможным выделять следующие этапы (эпохи): эпоху глоссаторов, эпоху комментаторов (интерпретаторов), эпоху кодификаторов [5, с. 5–23]. Полагая системный анализ выделенных этапов предметом самостоятельного научного исследования, в рамках данной статьи нами будет дана лишь обобщенная их характеристика, целью которой является выстраивание логической последовательности задействования латинской терминологии в процессе генезиса европейского права, продолжавшегося около 600 лет (с XII по XVIII в.). При этом несмотря на то что «исходным материалом» рецеп-

ции на всех ее этапах являлись римские дигесты, представляющие собой сборники обобщений конкретных судебных дел, а также выводы и позиции выдающихся римских юристов, восприятие и, что самое главное – практическое применение этих источников римского права носило неоднозначный характер.

Глоссаторы рассматривали дигесты в качестве своего рода «догматических канонов», информация о которых принималась и передавалась подобно тому, как воспринимались религиозные догматы, с той лишь разницей, что на месте жрецов и монахов находились университетские профессора, которые вели преподавание на латыни, при этом основной «преподавательской методикой» было механическое заучивание студентами, с последующими пересказом преподавателям положений дигестов, воспринимаемых в качестве не подлежащих интерпретации и, уж тем более, критике аксиоматических конструкций.

В эпоху интерпретаторов дигесты рассматривались в качестве первоисточников, практическое значение которых обуславливалось расширительным толкованием, имевшем целью адаптацию исторических артефактов к изменившимся политико-правовым реалиям.

Следует отметить, что и глоссаторы, и интерпретаторы рассматривали дигесты, а значит и латинскую терминологию, в качестве средств преимущественно образовательной и научной деятельности. Ситуация качественным образом меняется, когда институты и принципы римского права начинают рассматриваться в качестве нормативных элементов кодифицированных нормативно-правовых актов, послуживших основой романо-германской правовой семьи и в подобном качестве сохраняющих свою актуальность вплоть до настоящего времени.

Латинская юридическая терминология и римская правовая традиция в генезисе российской государственно-правовой системы

В истории российской государственно-правовой системы следует выделять три самостоятельных циклических этапа: имперский, советский, постсоветский. С учетом того, что предложенная Р. Давидом классификация была впервые представлена в 60-х гг. XX в., когда мир был «разделен» между двумя системными формированиями – капитализмом и социализмом, выраженным в одноименных государственно-правовых системах, романо-германская правовая семья, как и англосаксонская, рассматривалась в качестве форм выражения буржуазного (капиталистического) права. Противопоставляемое буржуазному социалистическое право рассматривалось Р. Давидом как самостоятельная, а значит «не европейская» система, в основу которой были положены не реципируемые, а экстраполируемые латинские термины и фразеологические формы, наполняемые в условиях советской политико-правовой действительности отличным от аутентичного римского права содержанием. Суть этих отличий обозначил «отец – основатель» советской государственно-правовой системы В. И. Ленин. В своем получившем широкую известность письме наркому юстиции Д. И. Курскому он четко обозначил свое отношение к классическому гражданскому праву: «Не перенимать старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать... *новое* гражданское право, новое отношение к "частным" договорам и т. п. Мы ничего "частного" не признаём, для нас все в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное»¹.

Распад социалистической правовой семьи повлек формальное «переименование» российского права,

¹ Ленин В. И. Письмо Д. И. Курскому 20.02. 1922 г. «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики» [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20220313230518/http://libelli.ru/works/44-1.htm> (дата обращения: 03.05.2025).

которое, перестав быть «социалистическим», в настоящее время идентифицируется как «романо-германское» (европейское). На наш взгляд, с такой характеристикой можно согласиться лишь отчасти. Во-первых, Европа как важнейший системный элемент коллективного Запада, по определению, не может выступать в качестве «образца для подражания». Во-вторых, Россия как «самобытное государство-цивилизация»¹ формирует собственную правовую систему, не противопоставляемую европейской, однако не тождественную ей. Наконец, в-третьих, современное российское право основывается на собственной традиции «Российской Федерации с ее тысячелетней историей» (ст. 67.1 Конституции РФ 1993 г.), не сопоставимой с традицией римского права, положенной в основу романо-германской правовой семьи. Перечисленные отличия не означают принципиальной несовместимости российской и европейской правовых систем и не препятствуют включению латинской юридической терминологии в понятийный аппарат российского (как частного, так и публичного) права. Однако нельзя забывать о том, что внедряемые термины должны подвергаться детальной интерпретации и наполняться содержанием, соответствующим современным российским политико-правовым реалиям.

Заключение

1. Институт рецепции представляется целесообразным осуществлять посредством метода теоретического моделирования, предполагающего выделение объекта и предмета, субъектного состава и содержания. Каждый из выделенных элементов необходимо рассматривать применительно к конкретному историческому периоду

---

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 03.05.2025).

и социально-культурным особенностям государств «доноров» и государств «реципиентов».

2. Рецепция латинской юридической терминологии и фразеологии представляет собой важный элемент механизма формирования системы европейского (романо-германского) права. Следует выделять три основных этапа (эпохи) рецепции римского права: эпоху глоссаторов, эпоху интерпретаторов, эпоху кодификаторов. При этом собственно юридическое значение имеет только кодификационный период, в рамках которого выраженные в терминах и фразах институты и принципы римского права получают нормативное выражение и задействуются в законотворческой деятельности.

3. Современная российская государственно-правовая система представляет собой явление, связанное с европейской (романо-германской) правовой семьей, однако не тождественное ей. Латинская юридическая терминология используется как в общетеоретической, так и в отраслевой (как публичной, так и частной) российской юриспруденции. Однако с учетом различия правовых традиций Европы как составной части коллективного Запада и России, как самобытного государства-цивилизации, следует не просто «механически вставлять» иностранные терминологические конструкции в систему отечественного публичного и частного права, а творчески подходить к этой проблеме посредством их адресной интерпретации, имеющей своей целью адаптацию терминологических конструкций римского права к современной российской политико-правовой практике.

Список литературы

1. Выков Р. Х. К вопросу о правосубъектности государства // Интернаука. – 2023. – № 8–4(278). – С. 39–40. EDN: KADQLS
2. Герштейн И. З. Фактор мессианизма во внешней политике СССР // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 4. – С. 52–57. EDN: SHAOHN

3. Давид Р. Основные правовые системы современности. – М.: Прогресс, 1988. – 496 с.
4. Купцова О. Б. Топические основания латинской юридической терминологии в текстах форм права: традиции и инновации // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 346–350. EDN: BFRJTD
5. Метелев С. Е., Зулфугарзаде Т. Э. Основные этапы рецепирования Римского права в Европейскую юриспруденцию // Правоприменение. – 2019. – Т. 3. – № 4. – С. 5–23.
6. Паршкова Н. В. Рецепция права: общетеоретический аспект // Новый университет. – 2011. – № 10. – С. 47–50.
7. Рассказов Л. П. Романо-германская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники // Юрист-Правоведь. – 2014. – № 5 (66). – С. 12–16. EDN: TGUUQN
8. Ромашов Р. А., Панченко В. Ю. Современная государственно-правовая система имперского типа: понятие и особенности // Юридическая наука. – 2025. – № 1. – С. 30–33. EDN: ABTORZ
9. Рыбаков В. А. Рецепция права: общетеоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2007. – № 4 (13). – С. 5–12.
10. Черниловский З. М. Методологические проблемы всеобщей истории государства и права // Сов. государство и право. – 1979. – № 10. – С. 139.
11. Филимонова М. А. Рецепция политической философии просвещения в США и России: виги и декабристы // "Свой" / "Чужой" в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. – СПб.: Алетей, 2019. – С. 276–299. EDN: AMRRNV

References

1. Vykov, R. H. (2023) K voprosu o pravosub'ektnosti gosudarstva [On the issue of the legal personality of the state]. *Internauka – Internauka*. No. 8–4 (278). Pp. 39–40. (In Russian). EDN: KADQLS
2. Gershtejn, I. Z. (2014) Faktor messianizma vo vneshnej politike SSSR [The factor of Messianism in the foreign policy of the USSR]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvenno-gumanitarnogo universiteta – Bulletin of Vyatka State University for the Humanities*. No. 4. Pp. 52–57. (In Russian). EDN: SHAOHN
3. David, R. (1988) *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [Basic legal systems of modernity]. Moscow: Progress. (In Russian).
4. Kupcova, O. B. (2021) Topicheskie osnovaniya latinskoj yuridicheskoj terminologii v tekstah form prava: tradicii i innovacii [Topical foundations of Latin legal terminology in the texts of forms of law: traditions and innovations]. *Yuridicheskaya tekhnika – Legal technology*. No. 15. Pp. 346–350. (In Russian). EDN: BFRJTD.
5. Metelev, S. E., Zul'fugarzade, T. E. (2019) Osnovnye etapy recipirovaniya Rimskogo prava v Evropejskuyu yurisprudenciyu [The main stages of the Roman law's conversion into European jurisprudence]. *Pravoprimenenie – Law enforcement*. Vol. 3. No. 4. Pp. 5–23. (In Russian).
6. Parshkova, N. V. (2011) Recepciya prava: obshcheteoreticheskij aspekt [Reception of law: a general theoretical aspect]. *Novyj universitet – The new university*. No. 10. Pp. 47–50. (In Russian).
7. Rasskazov, L. P. (2014) Romano-germanskaya pravovaya sem'ya: genезis, osnovnye cherty i vazhnejšie istochniki [The Romano-German legal family: genesis, main features and most important sources]. *Yurist"–Pravoved" – Jurist-Jurist*. No. 5 (66). Pp. 12–16. (In Russian). EDN: TGUUQN

8. Romashov, R. A. (2025) *Sovremennaya gosudarstvenno-pravovaya sistema imperskogo tipa: ponyatie i osobennosti* [Modern state-legal system of the imperial type: concept and features]. *Yuridicheskaya nauka – Legal science*. No. 1. Pp. 30–33. (In Russian). EDN: ABTORZ
9. Rybakov, V. A. (2007) *Receptiya prava: obshcheteoreticheskij aspekt* [Reception of law: a general theoretical aspect]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» – Bulletin of Omsk University. The Pravo series*. No. 4 (13). Pp. 5–12. (In Russian).
10. Chernilovskij, Z. M. (1979) *Metodologicheskie problemy vseobshchej istorii gosudarstva i prava* [Methodological problems of the universal history of the state and law]. *Sov. gosudarstvo i pravo – Soviet state and law*. No. 10. P. 139. (In Russian).
11. Filimonova, M. A. (2019) *Receptiya politicheskoi filosofii prosveshcheniya v SShA i Rossii: vigi i dekabristy* [Reception of the political philosophy of Enlightenment in the USA and Russia: The Whigs and the Decembrists]. *"Svoj" / "Chuzhoj" v kross-kul'turnyh kommunikacijah stran Zapada i Rossii* ['Ours' / 'Others' in cross-cultural communications between Western countries and Russia]. Saint Petersburg: Aletejya. Pp. 276–299. (In Russian). EDN: AMRRNV

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Сафин Завдат Файзрахманович, доктор юридических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-6010-618X, e-mail: zsaфин56@gmail.com

About the authors

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Zavdat F. Safin, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-6010-618X, e-mail: zsaфин56@gmail.com

Поступила в редакцию: 06.07.2025
Принята к публикации: 21.08.2025
Опубликована: 29.09.2025

Received: 06 July 2025
Accepted: 21 August 2025
Published: 29 September 2025